

В Талсе, штат Оклахома, жил да был писатель, который одно время был самым лучшим автором короткой прозы в мире. Звали его Р. А. Лафферти.

Нил Гейман

Лафферти наделен силой зажигать у нас в мозгу огонь. А мы только рады и просим еще.

Роджер Желязны

Р. А. Лафферти уникален в старом, неиспорченном значении слова. Гений настолько необузданный, радостный, восхитительный и непредсказуемый рождается раз в столетие. Берегите его. Если бы Лафферти не было, у нас не хватило бы воображения, чтобы его выдумать.

Майкл Суэзвик

Настоящим читателям, которые прочли хотя бы один рассказ Рафаэля Алоизиуса Лафферти, не надо объяснять, что он самый оригинальный из наших писателей. Практически все, что выходит из-под его пера, наполнено весельем и остроумием. Но при всей игривости и занимательности его прозы, ее никак не назовешь легким чтением: всегда есть пласт аллегории, пласт мифологии и что-то еще — что-то невыразимое... Может быть, он самый оригинальный не только из наших писателей, но и во всей истории литературы.

Джин Вулф

До сих пор никто из фантастов не испытывал реальной потребности раздвинуть, подобно Лавкрафту, границы жанра — весьма, впрочем, зыбкие. Быть может, единственным исключением будет один странный, очень странный писатель — Р. А. Лафферти. Иногда возникает впечатление, что Лафферти пишет не столько научную, сколько философскую фантастику: только у него одного онтологическая мысль занимает более важное место, чем социологические, психологические или моральные проблемы.

Мишель Уэльбек

Лафферти — человек значительный, и его проза — самого высокого полета. Не просто грамотная — образцовая.

Харлан Эллисон

Лафферти — наш североамериканский непризнанный Маркес, кудесник слова, творящий в противофазе с нынешней стилистикой воинствующего минимализма; старый хитрец выдает притчи возмутительнее библейских, излагая их в жанре словесного торнадо...

Терри Биссон

Пусть рыдают трактирщики, мы же ликуем: рассказы Лафферти полны вакхического тепла, вспоминаемого на трезвую голову, — в них эйфория, товарищество, ностальгия и неисчерпаемая вера в то, что вот-вот случится чудо.

Деймон Найт

Р. А. Лафферти — самый безумный, колоритный и неожиданный автор из ныне живущих. Ближайшей аналогией (хотя любые аналогии в его случае, разумеется, бесполезны) будут «Путешествия Гулливера»: истории Лафферти можно читать как захватывающие приключения, или как язвительную сатиру, или как глубоко продуманное философское размышление о человеческой природе. Другими словами, как и со Свифтом, все зависит от оптики восприятия.

Теодор Старджон

Р. А. Лафферти — один из самых оригинальных фантастов в природе. Он испытывает жанровые рамки на разрыв, а то и вовсе их игнорирует, он потешается над серьезными вещами и воспевает гротеск. И плюс к этому — поистине необузданное воображение.

Терри Карр

Р. А. Лафферти — типичный возмутитель спокойствия и нарушитель порядка. Проза Лафферти насквозь пронизана юмором, но обычно, похохотав, я осознаю, что смеялся сам над собой.

Сэмюел Дилэни

...тонкость и необузданность, трагичность и поэтичность, громокопящая мелодрама и погружение в бездны человеческого духа, разговор с ангелами и демонами... Лафферти всегда был абсолютно уникален.

Пол Андерсон

Лафферти... единственный в своем роде. Таких больше нет. Его проза искрится, завораживает и пьянит, он настолько уникален, что, возможно, стоило бы придумать отдельный жанр: «лаффертитур». Лафферти знаменит... неизменным невероятием своих идей и необычностью подачи материала. Его проза узнаваема сразу, его не спутаешь ни с кем...

Майкл Бишоп

Настоящее чудо, что серьезные философские мысли могут быть представлены так увлекательно, красочно и лирично.

Джудит Меррил

В сжатую форму сказки-небылицы автор вкладывает невообразимо много. Некоторые космические оперы не втиснули бы столько событий даже в трилогию! Космическая опера, в лучшем своем проявлении, — всего лишь подражание: это лишь коммерческая система доставки читателям самых необычных ситуаций, описанных в произведениях научной фантастики. У Лафферти же традиционные темы фантастов — контакты с инопланетянами, вторжение пришельцев, исследование космоса — как драгоценности, спрятанные под перевернутыми выщербленными чашками: пусть читатель гадает, где скрыто истинное сокровище. Но будьте осторожны — если вдруг догадаетесь, где оно, и поднимете чашку, сокровище, скорее всего, изменит форму, у него вырастут ноги, оно спрыгнет со стола и поскачет прочь.

Джефф Вандермеер

Рассказы Лафферти — как, например, и Филипа Дика — невозможно спутать ни с чьими другими.

Фред Саберхаген

Такое странное сочетание красоты, неизъяснимого ужаса и чуда встречается только в снах.

Джеймс Блейлок

Разве автор настолько оригинальный может считаться «ведущим»? А вот забываемым — да, может! Открыв его однажды для себя, вы останетесь с ним навсегда. Его колдовские чары странного свойства, но, хоть раз попав под их влияние, вы уже никогда не очнетесь.

Терри Биссон

По большому счету Лафферти несопоставим ни с кем, и, даже проведя всевозможные параллели, по прочтении рассказа ты по-прежнему недоумеваешь: что это было? Что сейчас со мной произошло? Почему эти истории навсегда западают в душу, как воспоминания детства, как сказки, которые будоражили и подчас пугали? Наверное, потому, что рассказы Лафферти и есть сказки — философские сказки для взрослых.

Джек Данн

Решительно невозможно описать эту странную личность! Тем более не поддается рациональному анализу еще более «неописуемое» творчество Лафферти. Но с тем, что без этого автора современная фантастика заметно поблекла бы, сегодня согласны все. В причудливой вселенной Лафферти все не так, как в нашем мире, даже если рассказ писателя и был опубликован под ярлычком «мейнстрим». Потому что Лафферти — фантазер в душе, а не холодный ремесленник, пишущий фантастику. А еще он — заразительный юморист, хотя и не сказать, что светлый и легкий. И изощренный мифотворец. И глубокий, не без религиозной истовости, философ. И отличный стилист и рассказчик.

Владимир Гиков

Когда пишешь о Рафаэле Алоизиусе Лафферти, велико искушение пустить в ход его же инструменты: начать заигрывать с парадоксами и противоречиями, ослеплять безумными придумками и острым юмором, сумбурно излагать тонкие идеи посредством вызывающе примитивных фразеологизмов. Однако заниматься этим значит заведомо обречь себя на провал: мало того, что Лафферти на его поле не обыграешь, так еще и выглядеть будешь дурак дураком. С таким же успехом можно снять все деньги со счета в банке и пойти играть в наперстки. Ежу понятно, чем все закончится.

Поэтому я обойдусь без тонкостей. Как можно топорней представлю несколько фактов...

Во-первых, Лафферти — один из лучших авторов, когда-либо работавших в направлении научной фантастики и фэнтези.

Во-вторых, оригинальней его в этой сфере никого не было и нет.

Лафферти, наряду с Джеймсом Джойсом и Амосом Тутуолой, принадлежит к группе уникальных писателей, которые с нуля создали собственный литературный язык. Джойс, понятное дело, был ав-

тором образованным, и сильное влияние на него оказывали античные тексты. Тутуола — носитель племенной культуры, и определить, что породил его собственный гений, а что он позаимствовал у народа, сумеет лишь тот, кто знаком с традициями йоруба. Лафферти постоянно заимствовал из устной традиции американских баек, у писателей, которых забыли или на которых не обращают внимания, и из источников, которые еще предстоит занести в анналы литературной истории. Для критиков он подлинная золотая жила, вот только открыть бы им его для себя.

Майкл Суэзвик

Поразительная изобретательность... Авантюрный дух, скрещенный с глубоким остроумием и приперченный характерным лаффертиевским безумием с нотками подлинного кошмара.

Сэмюел Дилэни

Когда-нибудь литературоведам, этим неутомимым маньякам классификации, придется расширить линейку жанров: фэнтези, мелодрама, вестерн, лаффертитурa, научная фантастика, детектив...

Теодор Старджон

Р. А. Лафферти был гением, сумасбродом, безумцем. Его истории не имеют аналогов. Если с кем-то его и можно сравнить, то разве что с Флэнном О'Брайеном, отпустившим всякие тормоза, — но любые сравнения бессмысленны. Во всем мире найдется место лишь для одного Лафферти. Старого, мудрого рассказчика уморительных баек, не похожих ни на что на свете. Лафферти узнается немедленно, по любой отдельно взятой фразе. Он никогда не ощущал себя уютно в жанровых рамках научной фантастики, хоррора или фэнтези, однако публиковался в соответствующих журналах и получил премию «Хьюго» и «Всемирную премию фэнтези». Он был сам себе жанр, и его рассказы не похожи ни на чьи другие: завиральные байки, стартовавшие в Ирландии и прибывшие в Талсу, штат Оклахома, с пересадками на Небесах и на дальних звездах.

Нил Гейман

Как может вымысел отображать структуру реальности правдивее, чем сама реальность? Р. А. Лафферти легко вам это объяснит, а может, уже и объяснил. Рафаэль Алоизиус Лафферти обдумал, сформулировал и зафиксировал больше причудливых идей,

чем кто бы то ни было в фантастическом жанре за все времена, и сама его карьера служит наглядным примером бесповоротного размывания жанровых рамок. Да, несомненно, он фантаст, но также несомненно, что вы сойдете с ума, пытаясь определить, какого рода фантастику он пишет.

Альгис Будрис

Велико искушение сравнить Лафферти с Борхесом. Но я всеми силами удерживаюсь от такого искушения, потому что Лафферти несводим к сравнениям: его гений уникален. Гений — то есть дух, по определению одушевляющий единственную личность, или место, или вещь (Сократ называл такого духа «даймоном»).

Безусловно, Лафферти был бы куда лучше известен, если бы жил и творил где-нибудь далеко, предпочтительно в Южном полушарии. Я не хочу этим сказать, будто Борхес, Гессе и т. п. — плохие писатели; напротив, они великолепны. Я только хочу сказать, что есть немало англоязычных авторов сходного масштаба и характера, не получающих и сотой доли того внимания, которого заслуживают.

Как Борхес очевидно является персонажем собственного рассказа, так же и Р. А. Лафферти — персонаж рассказа, написать который не мог бы никто, кроме самого Лафферти.

Джин Вулф

Р. А. Лафферти — натуральный одержимец, необузданный талант. Мир его не всегда уютен, ведь особое удовольствие Рафаэлю Алоизиусу доставляет едва уловимое, тончайшее выкручивание языковой ткани, так что незаметно меняется само значение слов. Его мир восхитительно абсурден и щетинится булавками, от которых лопаются мыльные пузыри самых надутых святынь...

A Reader's Guide to SF

Что за особые фокусы вытворяет Лафферти? Простой и привычный ответ — языковые. Ну и что с того — мало, что ли, у нас фантастов, умеющих вывернуть фразу кучеряво да поэтично? А теперь слушайте правильный ответ: все дело в том, что истории Лафферти звучат как народные сказки. Нет, он не пользуется языком народных сказок и почти не воспроизводит их характерного ритма. Но он до такой степени вжил в свое творение, что его язык — особенно сочетание чуть архаичной речи персонажей, напоминающей народную,

и несуетной этимологии — звучит как язык, на котором кто-то когда-то вроде бы говорил. В свое время Евгений Замятин разработал концепцию «прозаической стопы», управляющей внутренним ритмом прозы¹. Напоминая читателю таким образом о некоем предыдущем эпизоде, автор добивался своего рода «хоральной связности» — еще одного способа скрепить произведение плюс к сюжетной механике. В точности этим методом пользуется и Лафферти. По сути, он изобрел постмодернистский эквивалент гомеровского эпитета². А теперь, когда я раскрыл вам природу фокуса, попробуйте поймать фокусника за руку. Упс, опять не вышло!

На схожесть с народными сказками у Лафферти работают еще два приема. Во-первых, у него часто действуют дети, рассматриваемые сквозь призму памяти. В отличие от Брэдбери с его ностальгическим нагромождением визуальных деталей а-ля Норман Роквелл, Лафферти воспроизводит характерный для воспоминаний о детстве

---

¹ Ср. «На первой же странице текста приходится определить основу всей музыкальной ткани, услышать ритм всей вещи. Услышать это сразу — редко удается... Это понятно: при решении ритмической задачи — прозаик в положении гораздо более трудном, чем поэт. Ритмика стиха давно изучена, для нее есть и свод законов, и уложение о наказаниях, а за ритмические преступления в прозе до сих пор не судят никого. В анализе прозаического ритма даже Андрей Белый — тончайший исследователь музыки слова — сделал ошибку: к прозе он приложил стиховую стопу...

Для меня совершенно ясно, что отношение между ритмикой стиха и прозы такое же, как отношение между арифметикой и интегральным исчислением. В арифметике мы суммируем слагаемые, в интегральном исчислении мы складываем уже ряды, суммы: прозаическая стопа измеряется уже не расстоянием между ударяемыми *слогами*, но расстоянием между ударяемыми (логически) *словами*. И так же, как в интегральном исчислении — в прозе мы имеем дело уже не с постоянными величинами (как в стихе, в арифметике), но с переменными: метр в прозе — всегда переменная величина, в нем все время то замедления, то ускорения. Они, конечно, не случайны: они определяются эмоциональными замедлениями и ускорениями в тексте» (Е. Замятин. Закулисы).

² Ср.: «Распределение эпитетов при имени героев происходит таким образом, что при имени ряда героев эти эпитеты образуют числовое преимущество („частотный взрыв“). Подобное числовое преобладание, выделяя героя в некоем качестве по сравнению с иными качествами собственной характеристики героя, создает его индивидуальную эпическую характеристику» (И. Шталь. Гомеровский эпитет как элемент художественной системы).

безумный темп событий. Дети и крепко пьющие юноши в его рассказах функционируют в мире, сгущенном памятью до плотного концентрата, и мы тоже пытаемся ускориться, чтобы уловить мимолетные мгновения. А во-вторых, Лафферти берет какой-нибудь смутный, малоизвестный элемент индоевропейской мифологии (смутный для рассудка, но кристально ясный для глаз души) и представляет его нам как историю из детства.

Дон Уэбб (SF Eye)

Лафферти часто обвиняли в упоенности кровавым гротеском, но смерть у него символизирует перерождение, как в личном, так и вселенском плане, и ключ к этой символике — в классической работе Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса». Бахтин писал, что Рабле «требуется для своего понимания существенной перестройки всего художественно-идеологического восприятия». Так же и с Лафферти: его фантастика саморефлексивно описывает механизм восприятия, необходимый для такой «существенной перестройки».

В научно-фантастическом сообществе Лафферти часто вызывал недоумение, и к таким недоумевающим применимы слова Бахтина: «Очень многих Рабле отталкивал и отталкивает. Огромное же большинство его просто не понимает. В сущности, образы Рабле еще и до сегодняшнего дня во многом остаются загадкой». Параллели между Рабле и Лафферти можно множить до бесконечности, и работа Бахтина — бесценный источник для понимания того, откуда происходит эстетика Лафферти.

Для Лафферти, как и для Рабле, «весь мир представляется смешным, воспринимается и постигается в своем смеховом аспекте, в своей веселой относительности». Но прежде чем постигать в этом аспекте мир, его надо сперва создать. Именно в фантастике Лафферти нашел жанр, как никакой другой приспособленный для творения и разрушения миров, — своего рода лингвистическую лабораторию, где он мог экспериментировать с человеческим восприятием сколько угодно.

Фантастика для него — жанр, обладающий неисчерпаемым потенциалом перерождения; и все же столь многие авторы создают новый мир лишь для того, чтобы его поверхность однообразно эксплуатировали однообразные персонажи. В тот самый миг, когда фантастике следует быть наиболее активной, когда, говоря словами Бахтина, «существующий мир оказывается вдруг чужим» и «раскрывается возможность подлинно родного мира, мира золотого века, карнаваль-

ной правды», фантастика слишком часто отворачивается от громоподобного космического смеха карнавального сознания.

Эндрю Фергюсон. «Лафферти и его мир»¹

Лафферти — это *Velvet Underground* научной фантастики: у него не было ни одного бестселлера, но все, кто его читал, тоже стали писателями.

Как его охарактеризовать? Блестящий и неповторимый стилист. Юморист высшей пробы. Человек, видевший мир сквозь призму теологии, мастерски живописавший чертей, грехи и онтологические провалы, что подстерегают нас на каждом шагу, и тонкими штрихами намечавший в окружающей тьме хрупкий мостик, что ведет к спасению.

Какой канон может его вместить? Христианской фантастики (К. С. Льюис, Дж. Р. Р. Толкин, Джин Вулф)? Ирландской литературы, упоенной игрой слов (Джонатан Свифт, Лоренс Стерн, Джеймс Джойс)? Современной христианской беллетристики (Грэм Грин, Фланнери О'Коннор)? Проповедников и мистиков (Тереза Авильская, Джон Донн, Томас Мертон)? Постмодернизма и психоделического юмора (Джон Кеннеди Тул, Хантер Томпсон, Томас Пинчон)? Лафферти отлично вписывается в любой из этих канонов.

Benedictinstitute.org

Рассказы представляются мне куда значительнее, чем романы. Я исповедую ту теорию, что хорошие рассказы пишутся сами, иначе говоря, они являются независимыми и представляют собой какие-то сущности (или даже живых существ), которые время от времени являются людям. Иногда это люди, обладающие свойством резонировать на все необычное, что им является и что проникает в них помимо их воли; как раз с помощью таких людей эти неведомые нам сущности проявляют себя — так и остальные узнают об их существовании. Вы уже догадались, что эти «резонантные» люди называются писателями. И я не могу не испытывать радости оттого, что несколько таких рассказов-сущностей когда-то явились не кому-нибудь, а именно мне.

Р. А. Лафферти

---

¹ Название диссертации Эндрю Фергюсона «Lafferty and His World» отсылает к названию, под которым работа Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» (1940; опубл. 1965) была в 1968 г. переведена на английский: «Rabelais and His World».

НЕ ГОВОРЯ УЖ О ЛАФФЕРТИ: ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Нил Гейман

Объективность, бесспорно, прекрасная вещь. Благодаря ей мы доверяем критикам, обозревателям и комментаторам. Собственно, именно она делает критика хорошим критиком, а обозревателя — хорошим обозревателем. И тогда мы верим их мнениям о книгах и фильмах, о музыкантах и писателях.

Честно, не знаю, можете ли вы верить тому, что я скажу о Р. А. Лафферти. Ведь я абсолютно необъективен. Это все равно как спросить у струны, настроенной на ноту соль, что она думает о струнах нижней октавы: ты слушаешь их — и вдруг звучит еще одна соль, и тебя охватывает радость узнавания. Да, так оно и бывает. Только так.

Мне было девять, и у нас дома откуда-то взялся сборник «Научная фантастика 12»² под редакцией Джудит Меррил. Не знаю, кто его принес, возможно мой отец. Но чья бы ни была эта книга, я утащил ее к себе, начал читать, и мир для меня перевернулся. Уильям Берроуз, Сэмюел Дилэни, Кэрол Эмшвиллер, Кит Рид, Брайан Олдисс, Харви Джейкобс, Джон Апдайк, Тули Купфер-

---

¹ Отсылка к роману Р. А. Лафферти «Не говоря уж о верблюдах» (*Not to Mention Camels*, 1976). Также известен по-русски как «Не считая верблюдов».

² Антология выходила в 1968 г. под названием «SF 12» и переиздавалась в 1970 г. как «The Best of Sci-Fi 12».

берг, Дж. Г. Баллард, Хилари Бэйли, Соня Дорман и Томмазо Ландольфи — произведения этих авторов уж точно не предназначены для девятилетних мальчишек, но меня это не волновало. Я читал и впитывал все, что мог понять. У меня появились новые любимые писатели. И новые представления о том, какой может быть фантастика. Например, рассказ Брайана Олдисса «Слияние» — самый настоящий словарь. А один из рассказов Р. А. Лафферти — учебная программа.

Я имею в виду «Начальное обучение камиройцев», где описывается система образования инопланетной расы: детей там, помимо прочего, учат, как создавать жизнь и управлять целыми планетами. Рассказ невероятно меня заинтересовал, а главное, задел за живое: вот бы и у нас была такая школа, вот бы и нас этому учили.

Второй рассказ, «Узкая долина», на мой взгляд, один из лучших в том сборнике и один из самых любимых мною по сей день. По сути, это небылица, байка о живописной долине — прекрасной, но, увы, очень уж узкой. Из этого рассказа я узнал многое об Америке, о коренных американцах, об ученых, о разных взглядах на мир и даже о магии, которую я буквально ощущал, — и она наполняла мою душу радостью.

Через год отец привез мне из Америки три сборника серии «Лучшая мировая фантастика», составленные Терри Карром и Дональдом Уоллхеймом. Тогда я прочитал «Девятьсот бабушек» и «Безлюдный переулок». А потом: «Как мы сорвали планы Карла Великого». И окончательно влюбился.

Мне здорово повезло. До сих пор не могу понять, откуда в библиотеке маленького городка в Сассексе, где я вырос, взялись все книги Лафферти, выпущенные в Великобритании в твердой обложке издательством «Деннис Добсон и компания». Видимо, у того, кто их заказал для библиотеки, был очень хороший вкус. Я про-

читал и полюбил «Четвертую обитель» (роман о тайных обществах, животных и людях с волосатыми ушами), «Рифы Земли» (о детишках-инопланетянах, застрявших на нашей планете) и «Космические саги» (об Одиссее, скитающемся в космосе). (Эти мои короткие описания в лучшем случае неполны, а в худшем — сбивают с толку.) Помню один потрясающий момент: я обнаружил, что оглавление «Рифов Земли» зарифмовано, название каждой главы — стихотворная строка, и все вместе они складываются в небольшую поэму. Просто восторг!

В Лондоне на Берик-стрит в магазине «Были они смуглые и золотоглазые»¹ я купил собственный экземпляр первого сборника Лафферти — «Девятьсот бабушек» в мягкой обложке. И заставил всех друзей прочитать его. Я был абсолютно убежден, что Лафферти — самый лучший, самый интересный писатель на свете. Мне нравилось, как он обращается со словами. Я наслаждался мелодикой его текстов — они поют, они танцуют! — и, казалось, чувствовал тот восторг, с которым автор играет словом.

На Рождество 1978 года родители подарили мне «Энциклопедию научной фантастики» под редакцией Питера Николса и Джона Ключа. Тогда я еще не знал, что и Питер, и Джон станут, каждый по-своему, моими близкими друзьями и что в соавторстве с Джоном Ключом я напишу статью о Лафферти для второго издания «Энциклопедии». Но я узнал, что Лафферти, оказывается, написал множество книг, которых я не читал и, более того, понятия не имел, что они вообще существуют. Долгие годы я воодушевленно на них охотился, не подозревая, что они хоть и написаны, но еще не изданы, —

---

¹ Один из крупнейших в Лондоне 1970-х гг. книжных магазинов научной фантастики, названный по одноименному рассказу Рэя Брэдбери; открылся в 1969 г., закрылся в 1981-м.

думаю, это открытие привело бы Ключа и Николса в замешательство.

В двадцать один год я не знал точно, чем буду заниматься в жизни, но у меня уже возникло смутное желание стать писателем. Единственный рассказ, который я написал к тому времени, был явным подражанием Лафферти. В дальнем зале все той же библиотеки в нашем городке хранился толстый том «Кто есть кто в литературе». Я начал листать его в полной уверенности, что Лафферти не найду, но обнаружил почтовый адрес в городе Талса, штат Оклахома. Писать агенту или издателю я бы не осмелился, но этот адрес выглядел как домашний.

В общем, я написал письмо и отправил вместе с рассказом.

Как оказалось, Лафферти к тому времени переехал, но мое письмо переслали по новому адресу. Он получил его и, к моему величайшему изумлению, ответил. Поблагодарил за «очень приличный пастиш, или пародию, или что-то в этом роде; конечно, это не рассказ, хоть и назван рассказом на титульной странице. Возможно, его даже кто-нибудь напечатает, хотя это зависит от причудливых особенностей вашего книжного рынка. Хороший текст, как кто-то заметил, всегда пробуждает в душе искру узнавания и принятия. Ваш текст, безусловно, пробуждает во мне очень особую искру». И добавил: «Почему бы вам не написать еще пару вещей? Ведь это весело, а другой причины и не требуется».

Мой любимый писатель сказал мне: пиши. И я повиновался.

Я хотел опубликовать статью о нем, но в то время никто не жаждал ее печатать. Мы продолжали переписываться, я задавал ему дерзкие вопросы о писательском труде и его собственной работе, а он терпеливо на них отвечал.

Есть писатели — их очень немного, — которые меня просто радуют. Есть те, что заставляют меня думать, тревожиться (в хорошем смысле), волноваться за судьбы их героев. Все это относится к Лафферти в высшей степени. Но он дает гораздо, гораздо больше. Едва открыв его книгу, я сразу расплываюсь в улыбке чистого удовольствия: так действует голос повествователя, его манера преподносить свои волшебные истории.

Вряд ли Лафферти можно с кем-то сравнить. Аврам Дэвидсон тоже писал блестящие и самобытные рассказы, знал невероятно много об окружающем мире, но его произведения непохожи на небылицы, которые рассказывают с абсолютно серьезным лицом. Ирландский романист Флэнн О’Брайен (он же Майлз на Гапалинь, настоящее имя — Бриан О’Нуаллан) умел рассказывать небылицы с серьезным лицом, но никогда не уводил читателя далеко за пределы нашего мира. Джин Вулф, пожалуй, так же глубок, как Лафферти, но редко бывает по-настоящему забавным.

Я читал у Лафферти все, что мог найти. Я следовал за ним и когда он начал писать мрачнее, и когда его истории стали более личными. Я читал книги, выпущенные сперва крупными издательствами, потом мелкими, потом чуть ли не в самиздатовских брошюрах. Я читал то, что понимал, и то, чего не понимал, — думаю, иногда он писал для аудитории, которая ограничивалась им одним, — но все равно, даже не понимая, я получал огромное удовольствие от того, как он складывал слова и строил мир. Я даже видел дверь кабинета Лафферти¹ в музее в Талсе!

---

¹ Лафферти обклеивал стены и дверь своего кабинета иллюстрациями, вырезанными из печатных изданий. После смерти писателя в 2002 г. дом перед продажей отремонтировали, и в оригинальном состоянии сохранилась только дверь, которую забрал Уоррен Браун (писатель из Талсы, друживший с Лафферти в последние десятилетия его жизни).

Что еще вы хотели бы узнать? Пока писал всю эту лирику, понял, что пропустил биографические данные — важную информацию, которую читатель, безусловно, захочет видеть в предисловии.

Рафаэль Алоизиус Лафферти (друзья называли его Рэй) родился в Оклахоме, в городе Талса. Получив образование инженера-электрика, проработал в электрической компании до ухода на пенсию в сорок пять лет. После чего зарабатывал на жизнь только писательским трудом, пока не отошел от дел. Он был католиком («Католицизм играет важную роль в моей жизни. Без него я бы давно уже валялся в канаве, а сейчас стою в ней только одной ногой») и алкоголиком («Выпивка дурно влияет на мою писанину. Я алкоголик и не должен употреблять спиртное вообще. Но раз или два в год забываю об этом, и результат обычно плачевен. Алкоголь в большей степени разрушал мои тексты, нежели вдохновлял их. И все же всегда оставалась слабая надежда — „искать, но опять не найти“: должен же где-то существовать волшебный эликсир, раздвигающий границы воображения! Такие заблуждения — часть нашей жизни. В молодые годы спиртное дарило мне хорошую компанию и много веселья, но все-таки не творческий импульс»).

Во время Второй мировой войны он служил в армии. Его отправили в южную часть Тихого океана, но, как он всегда подчеркивал, «в двадцать восемь лет ты уже слишком стар для того, чтобы получать удовольствие от такого приключения — вот если бы на десять лет раньше, тогда другое дело».

Свой первый научно-фантастический рассказ «День ледника» он опубликовал в сорок шесть лет, в 1960 году, в журнале «Ориджинал сайнс-фикшн сториз». «Я добился кое-какого успеха, — говорил он позже о своей писательской карьере. — На главную улицу не вырулил, но в переулках для меня всегда горел зеленый свет».

В 1973 году он получил премию «Хьюго» за неплохой рассказ «Матушка Эвремы», но другие его рассказы, которые были на порядок лучше, проигрывали, а некоторые самые замечательные и вовсе прошли мимо тех, кто занимается выдвижением на премии. В 1984 году он оставил творчество, успев опубликовать более двухсот рассказов и двадцати романов.

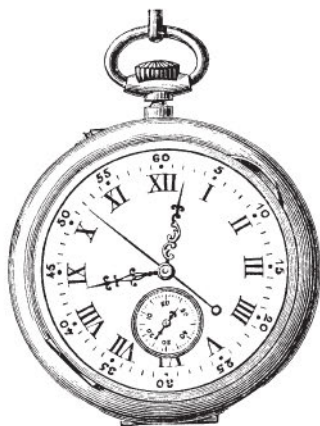
В 1994-м Лафферти пережил инсульт и в последние годы страдал болезнью Альцгеймера. Писатель умер в 2002 году в доме престарелых в Броукен-Эрроу, в двадцати минутах езды от Талсы.

Свое фото, опубликованное в 1985 году в книге Пэтти Перрет «Лица научной фантастики», он сопроводил коротким комментарием: «В сорок пять лет я решил, что буду писателем. И стал лучшим в мире автором рассказов. Двадцать лет я толковал об этом людям, но некоторые не поверили».

Я поверил.

Возможно, прочитав эту книгу, поверите и вы.

**Тихая ночь
со вторника
на среду**

Рассказ «Slow Tuesday Night» завершен в сентябре 1964 г.
и опубликован в журнале «Galaxy Magazine» в апреле 1965 г.
Включен в авторский сборник «Nine Hundred Grandmothers»
(«Девятьсот бабушек», 1970).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Майкл Дирда

Хотя Лафферти обычно относят к писателям-фантастам, на самом деле его точно характеризует крылатое латинское выражение *sui generis*: он уникален, он — единственный в своем роде. Сюрреалистические сюжеты его историй с их неожиданными, захватывающими дух поворотами приправлены невероятными происшествиями и удивительными отступлениями, заключенными в скобки. Поклонники Лафферти обычно представления не имеют, что их ждет за углом и куда приведет очередное хитросплетение небылиц. Ну и что с того? Маршрут неизвестен, но мы наслаждаемся путешествием.

Вспомните своего «самого первого» Лафферти. Возможно, это рассказ «Страна Больших Лошадей», объясняющий происхождение цыган и включенный в классическую антологию «Опасные видения» Харлана Эллисона. Или «Матушка Эвремы» из сборника «Лауреаты премии „Небьюла“». А может быть, в благотворительной книжной лавчонке вы случайно наткнулись на «Бумеровы Отмели» — историю о том, как трое именитых ученых отправились на поиски недостающего звена эволюции в некий техасский затон, где обнаружили волосатых гигантов, прекрасную девушку Лангустию Сом, расу почти бессмертных людей и космического путешественника по имени Комета.